

ЛЕВИРАТ У КАЛМЫКОВ В XIX в.

Levirate Marriage of Kalmyks in the XIXth Century

В. В. Батыров (*V. Batyrov*)¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Head of Department of Ethnology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS).
E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

В статье рассматриваются вопросы бытования левиратных браков у калмыков в XIX в. Левират был одним из фундаментальных институтов, который обеспечивал устойчивость общества и противостоял процессам социальной и экономической раздробленности. Институт левирата защищал семьи калмыцкой аристократии от утраты материальных и людских ресурсов в результате дробления наследства между наследниками. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В конце XIX – начале XX вв. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение среди калмыков, все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

Ключевые слова: семья и брак у калмыков, левират, история Калмыкии, традиционная культура, обычное право.

The article is devoted to the question of the existence of the levirate marriage among Kalmyks in the XIXth century. The levirate was one of the fundamental institutions that maintained the stability of society and opposed the processes of social and economic fragmentation. The institute of the levirate of Kalmyk aristocracy defended their family from the loss of material and human resources as a result of fragmentation of the inheritance among the heirs. The levirate marriage among Kalmyk-commoners was predominantly economic form of marriage: to prevent the fragmentation of the farm of a large patriarchal family. However, the reform of 1892 and the reduction of areas of Kalmyk lands caused the crisis and led Kalmyks make the transition from nomadic economy to a semi-nomadic economy. At the end of XIX – early XX centuries large patriarchal family was gradually losing its importance among Kalmyks, while an individual small monogamous family was becoming increasingly prevalent.

Keywords: family and marriage of Kalmyks, levirate, history of Kalmykia, traditional culture, common law.

Левиратные браки применялись многими народами Евразии и Америки в древности и по настоящее время. Левират (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Институт левирата позволял оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков указывал, что сохранение института левирата у калмыков в XIX – начале XX вв. было «следствием правовых норм патри-

архально-родового быта, устойчивости его обычаев и традиций, следствием экономических отношений внутри семейно-родственных групп» [Шалхаков 1982: 25].

Американский антрополог Е. Сапир считал, что левират является формой сорората. По его мнению, левират и сорорат отражаются в слиянии терминологической классификации дядей, теток и детей братьев и сестер [Sapir 1916: 328]. При этом левиратный брак, по мнению ученого, накладывал на мужчину право и обязанность воспитания детей своего покойного брата. В дальнейшем другие исследователи стали ставить под сомнение определение левирата у Сапира, указывая, что в истории

встречались случаи левирата, когда мужчина мог иметь детей со вдовой своего брата от имени этого брата, но не вступая с ней в брак [Pans 1989: 343]. Это противоречило традиционным представлениям о левирате, по которым левират описывается как право и обязанность мужчины жениться на вдове брата. Интересно, что в конце XX в. исследователь Б. Бирдж увидела в левирате частичные элементы инцеста [Birge 1995: 145].

Среди основных факторов функционирования левирата в кочевом обществе, по мнению Дж. Хольмгрен, была система калыма и все другие брачные обычаи, направленные на ослабление или разрыв связей с родителями и другими родственниками новобрачной [Holmgren 1986: 190]. Женщины, выходя замуж, переходили в локальную группу мужа, поэтому у калмыков даже замужняя дочь хозяина считается посторонней и ни в коем случае не может умереть в кибитке своих близких (по отцовскому роду). Надо отметить, что в отечественной исторической литературе институт левирата у калмыков до настоящего времени является не до конца исследованным явлением. Долгое время общепризнанным считалось, что левират — это «архаизм» и «пережиток» патриархально-родового строя, который не имел большого распространения в истории семьи и брака у калмыков в XIX в. Случаи левиратных браков упоминались как довольно редкие, без анализа их происхождения и механизмов функционирования в обществе [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011].

Более подробно функционирование левиратного брака в XIX в. можно проследить в материалах различных судебных решений. Так, в 1837 г. калмыцкий суд Зарго решал вопрос, кому управлять аймаком Гурбуг-Зур, оставшимся после смерти Эркетеневского зайсанга Церен-Убуши Мазанова. Среди прочих на управление аймаком претендовала зайсангша Амгулунг, у которой был малолетний сын Цеден, младший брат Церена-Убуши. Тогда суд Зарго отказал Амгулунг, на том основании, что Цеден «прижит незаконно» [Батмаев 2008: 106]. Позднее, в 1843 г., уже подросший Цеден инициировал новое разбирательство о признании его законнорожденным.

Данное дело послужило причиной довольно детального рассмотрения в Совете калмыцкого управления о законности бра-

ков в случаях «замужества вдов за кого-либо из родственников умершего мужа». В январе 1843 г. Цеде Манжи из Эркетеневского улуса, ранее признанный по решению суда Зарго незаконнорожденным, подал прошение в Совет калмыцкого управления, в котором указывал на законность своего рождения своего от эркетеневского зайсанга Тугуджи Ончикова [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1]. В качестве доказательства Цеде Манжи сообщал, что по «обычаям калмыков и правилам веры меньшие братья имеют право брать в замужество снох своих, и что обряды такого бракосочетания уже не совершаются чрез Гелюнггов, но бывают по согласию одних родственников, сохраняя все права брачного союза».

Из прошения выяснилось, что его мать Амгулунг в первый раз вышла замуж за Муку — сына эркетеневского зайсанга Ончика, после смерти Муки она перешла в замужество к Джиргалу — младшему брату Муки, затем к Мирзе, дяде Джиргала, а после смерти последнего перешла в замужество к племяннику Мирзы, зайсангу Тугуджи, от которого и был рожден сам проситель Цеде Манжи [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об]. При этом в 1821 г. зайсангша Амгулунг, мать Цеде Манжи, подавала прошение в котором указывала, что «прежде в замужестве она была за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ее зайсангша Улюмжи выдала ее в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу от коего и имеет рожденного сына Церен Убашу (старшего брата Цеде Манжи)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48].

Поступившее прошение стало причиной того, что Совет калмыцкого управления вступил в активную переписку «о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдов за родственников мужей их» с наиболее авторитетными фигурами Калмыцкой степи: владельцем Хошутского улуса С. Тюменем, владельцем Малодербетовского улуса Д. Тундутовым и зайсангами, правителями Багацохуровского улуса. Попечителю Эркетеневского улуса также предписывалось провести отдельное расследование по поводу законности «супружества зайсанга Тугуджи на зайсангше Амгулунг» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 2].

Полученные ответы озадачили членов Совета калмыцкого управления, поскольку все указанные лица действительно подтвердили, что калмыки «при первоначальном

только сочетании совершают обряд чрез духовенство и хотя при переходе вдовствующих женщин к родственникам мужняго колена или даже сторонних никаких обрядов со стороны духовенства не совершается, но рожденные от такого брака дети пользуются всеми правами законного происхождения и правами на наследство».

Так, полковник С. Тюмень сообщал, что на «основании древних калмыцких обычаев, меньшие братья имеют право брать в замужество вдовых жен оставшихся после смерти старших братьев – согласно чему бывают примеры и между прочими степенями родства как то: дядями, племянниками и деверями и пр.». Далее С. Тюмень добавлял: «а потому и прижитые от оных дети признаются законными же наследниками и получают право наследовать званием отца и его достоянием». В своем письме С. Тюмень даже приводил отдельные примеры существования левиратных браков в калмыцком обществе [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 2об.].

Владелец Малодербетовского улуса капитан Д. Тундутов также отмечал, что «калмыки при первоначальном только бракосочетании совершают обряд чрез духовенство — и хоть при переходе женщин к родственникам мужеска пола или даже сторонних каких обрядов со стороны духовенства не совершают, но рожденные в таком состоянии дети пользуются полным правом на наследство своего родителя». То же подтверждал и один из правителей Багцохуровского улуса, который писал, что «по калмыцкому закону и обычаям ближние родственники между собою беспрепятственно берут в замужество жен умерших родственников своих. И прижитые от них дети бывают законными, и как обряды бракосочетания совершены уже были при первом браке, то во втором таковых духовенством уже не совершается» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–6об.].

Между тем расследование, проведенное попечителем Эркетеневого улуса, дало противоположный результат. Попечитель сообщил, что «разные калмыки того улуса при повальном опросе показали, что по смерти зайсанга Мирзы, жена его Амугуланг по смерти оставалась вдовою и в замужество за зайсанга Тюгуджу не выходила». Оказалось, что отрицание бракосочетания населением Эркетеневого улуса базировалось на том, что если бы «такое замужество действительно было, то по обычаям

народа на это должно было быть согласие родственников а при бракосочетании людей значительных согласия и всего общества». Однако ни согласия родственников, ни согласия всего общества при бракосочетании Тюгуджи и Амгуланг, по словам калмыков Эркетеневого улуса, никто не спрашивал [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3]. Можно предположить, что в начале XIX в. при левиратных браках представителей калмыцкой аристократии, помимо согласия родственников, обычно испрашивалось согласие улусного общества (т. е. населения улуса). После 1834 г. это стало лишь данью условностям и всецело зависело от доброй воли самих участников левиратного брака.

Имея столь противоречивые сведения о законности левиратных браков, Совет калмыцкого управления 18 июня 1843 г. обратился в Ламайское духовное правление¹ с просьбой «уведомить Совет о порядке перехода вдовствующих женщин за родственников их мужей, и сообразны ли отзывы владельцев Тюменева, Тундутова и Правителя Багацохуровского улуса с правилами ламайского исповедания, обычаями и обрядами калмыков», а также о том, «точно ли при сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, точно ли нужно согласие общества улусного и родственников? И если то действительно нужно, то могут ли быть признаны законными браки не сохранившие сих условий?» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3об.].

26 июня 1843 г. Астраханское Ламайское духовное правление отправило ответное письмо в Совет калмыцкого управления, в котором уведомляло:

1. «По древним Калмыцким обычаям, и ныне существующих – младшие братья по смерти старших братьев имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих, хотя бы и сверх желания их; Это право позволяет и родственникам мужей их как то: дядьям, племянникам и деверям мужеска колена, но только с согласия вдовствующих женщин. Старшим же братьям после смерти меньших братьев иметь в супружестве младших снох своих, мужеска колена, ни каким правом не дозволяется».

¹ Ламайское духовное правление — административный орган по вопросам управления духовной деятельностью калмыков, находился в г. Астрахани (1836–1848 гг.).

2. «При сочетании браком, людей значительных, на вдовах их родственников, испрашивает согласия улусного общества и родственников добрая воля самих вступателей в браки, хотя бы и не сохранены были условия с родственниками и обществом признаются законными и, принимаются в Ламайском исповедании за действительные брачные союзы».
3. «Отзыва, по сему предмету Хошоутовского владельца Полковника князя Тюменева, Малодербетовского владельца капитана Тундута и Правителей Багацохуровского улуса, о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдовых жен за родственников мужеска колена Ламайское духовное правление находит сообразными с правилами Ламайского исповедания, обычаям и порядкам Калмыков» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8].

Следует отметить, что разбирательство по вопросу о законности рождения Цеде Манжи, сына Тугуджи Ончикова, позволило определить основные условия левиратного брака у калмыков в XIX в. Так, по калмыцким обычаям, младшие братья имели право брать в замужество своих овдовевших снох после смерти старших братьев даже против их желания. Это же право предоставлялось и другим родственникам мужа (дядьям, племянникам и деверям), но уже с предварительного согласия самих женщин. И, наконец, полностью запрещалось брать в замужество жен после смерти младших братьев старшим братьям.

Выявленные материалы по условиям функционирования левирата у калмыков приводят нас к мысли, что левиратный брак с древности являлся в основном привилегией знати, которая использовала его для решения своих экономических и политических целей [Zhao 2008: 25]. С XVII в. левират являлся формой политического и экономического брака среди калмыцкой аристократии (нойонов и зайсангов), который имел своей целью не допустить дробления калмыцких улусов. Так, А. В. Цюрюмов приводит сведения о том, что сын калмыцкого хана Аюки по имени Гунжеп женился на вдове тайши Араптана, чтобы получить ее улус во владение [Цюрюмов 2005: 24]. В этих условиях левиратный брак был всецело направлен на подавление центробежных процессов в Калмыцком ханстве. По калмыцкой традиции, было принято делить

свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но перманентное дробление наследства между многочисленными наследниками приводило к утрате материальных и людских ресурсов. Ярким примером является история хошутского тайши Кунделен-Убаши, который разделил свой улус между всеми своими сыновьями, о чем позже сожалел: «Я, предоставив все управление сыновьям своим, обессилил себя» [Цит. по: Батмаев 2002: 148]. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В суровых условиях кочевого образа жизни калмыцкая семья могла легко растерять все свое материальное благополучие.

В начале XIX в. русское правительство произвело некоторые изменения в наследственном праве калмыков, введя в обиход кочевой знати понятие майората. Положением об управлении калмыками 1834 г. Положение об управлении калмыцким народом запрещало дробить улусы или аймаки между наследниками, а предписывало передавать их старшему в роду [Бюллер 1846: 27]. Фактически Положение 1834 г. привело к прекращению условий для дальнейшего функционирования левирата в среде калмыцкой аристократии. В конечном итоге, это привело к тому, что случаи левиратных браков стали сохраняться только среди простых калмыков как средство сохранения своего хозяйства. И. А. Житецкий упоминал, что во второй половине XIX в. калмыки имели «по две жены, и большею частью тогда, когда старший брат умирая, оставляет по себе молодую жену, но меньший брат, хотя и женатый уже, может по согласию взять ее за себя и таким образом живет с двумя женами, помещающимися в разных кибитках» [Бентковский 2011: 458].

Реформа 1892 г. привела к отмене феодалной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов, их место в калмыцких аймаках и улусах заняли представители российской администрации. Следствием реформы также стало исчезновение традиционных правил кочевков, и теперь население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории в условиях все большего роста крестьянской переселенческой

деревни и связанного с ней сокращения территории калмыцких земель. Все это, а также активное развитие отходничества, привело к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу на полuosедлый образ жизни [Батыров 2009: 523].

Бесконтрольный выпас огромного количества скота из соседних губерний привел к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий в Калмыцкой степи. Для каждого хозяйства большой патриархальной семьи это стало причиной выделять совершеннолетних членов семьи мужского пола для получения в соответствии с общепринятыми правилами дополнительного пая из общинных сенокосных угодий. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX — начале XX вв. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи. Новая господствующая форма семьи у калмыков привела к тому, что левиратные браки стали исчезать и среди простых калмыков.

Таким образом, с древности левиратный брак играл важнейшую роль подавления центробежных процессов в калмыцком обществе. Институт левирата защищал семьи калмыцкой аристократии от утраты материальных и людских ресурсов в результате дробления наследства между наследниками. Среди калмыков-простолудинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи.

После исчезновения Калмыцкого ханства в 1771 г. только левиратный брак по-

зволял представителям высшего сословия сохранить материальные ресурсы, которые семья могла утратить. Левират был одним из фундаментальных институтов, который обеспечивал устойчивость общества и противостоял процессам социальной и экономической раздробленности. Однако после того, как российское законодательство в 1834 г. ввело понятие майората, необходимость в сохранении левирата среди калмыцкой знати отпала. После 1834 г. случаи левиратных браков среди калмыцкой знати становятся все более эпизодическими, ввиду распространения моногамных браков.

В отличие от калмыцкой элиты у простых калмыков в богатых патриархальных семьях левират сохранялся на протяжении всего XIX в. В семьях калмыков-простолудинов сохранение института левирата в течение XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Это стремление избежать материальных расходов наглядно подтверждается тем, что при таких браках не проводилось свадебных обрядов. Реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу на полuosедлый образ жизни, что стало основной причиной трансформации исторически сложившейся структуры семьи. В конце XIX — начале XX вв. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение среди калмыков, все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

Источники

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Ф. 1. Оп. 1. Д. 179.
Ф. 42. Оп. 1. Д. 29.

Литература

- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издат. дом „Герел“», 2008. 256 с.
Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров В. В. Рыболовство у калмыков в XIX — начале XX вв. // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию

добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. II. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2009. С. 522–527.

- Бентковский И. В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 450–469.
Бюллер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки, 1846. №7. С. 45–89.
Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX — начало XX вв.). Историко-этнографическое

- исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.
- Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 159 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- Birge B. Levirate Marriage and the Revival of Widow Chastity in Yüan China // *Asia Major*. Third Series, Vol. 8. No. 2 (1995). Pp. 107–146.
- Holmgren J. Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate // *Journal of Asian History*. Vol. 20, No. 2 (1986). Pp. 127–192.
- Pans A. E. M. J. Levirate and Sororate and the Terminological Classification of Uncles, Aunts, and Siblings' Children // *Ethnology*. Vol. 28, No. 4 (Oct., 1989). Pp. 343–358.
- Sapir E. Terms of Relationship and the Levirate // *American Anthropologist*. New Series, Vol. 18, No. 3 (Jul. - Sep., 1916). Pp. 327–337.
- Zhao G. Q. Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from World Empire to Yuan dynasty. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2008. 319 p.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia:
Coll. 1. Ser. 1. File 179.
Coll. 42. Ser. 1. File 29.

References

- Batmaev M. M. [Kalmyk Traditions: Family and Marriage]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. [Kalmyks: Sociopolitical System and Economy, 17th – 18th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Fishing practices of the Kalmyks: 19th – early 20th centuries. In: [United Kalmykia in United Russia]. Jubilee conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). Vol. II. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 522–527. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetovsky District: physiological, religious and social perspectives. In: [The Disfavored: Russian Writers Discovering the Caucasus]. Vol. 2. Stavropol: Stavropol State University, 2011. Pp. 450–469. (In Russ.)
- Birge B. Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China. *Asia Major*. Third Series, Vol. 8. No. 2 (1995). Pp. 107–146. (In Eng.)
- Byuler F. A. Nomadic and sedentary non-Russian populations of Astrakhan Governorate: their history and actual household activities. *Otechestvennye zapiski*. 1846. Is. 7. Pp. 45–89. (In Russ.)
- Erdnieva U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Holmgren J. Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate. *Journal of Asian History*. Vol. 20. No. 2 (1986). Pp. 127–192. (In Eng.)
- Pans A. E. M. J. Levirate and sororate and the terminological classification of uncles, aunts, and siblings' children. *Ethnology*. Vol. 28. No. 4 (Oct., 1989). Pp. 343–358. (In Eng.)
- Sapir E. Terms of relationship and the levirate. *American Anthropologist*. New Series. Vol. 18. No. 3 (Jul. - Sep., 1916). Pp. 327–337. (In Eng.)
- Shalkhakov D. D. [Kalmyk Family and Marriage (19th – Early 20th Centuries): a Historical and Ethnographic Study]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [Life-Cycle Rituals of the Kalmyks: 19th – Early 21st Century]. Elista: Dzhangar, 2011. 224 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds]. Elista: Dzhangar, 2005. 159 p. (In Russ.)
- Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2008. 319 p. (In Eng.)